

вать как импровизатора (an oral poet), потому что он пользовался формулами, которые, судя по всему, были выработаны в ходе развития культуры устной поэзии, а также потому, что прозаический контекст его поэзии говорит, кажется, о том, что он сочинял скорее с помощью уха и уст, чем глаза и руки». Словесные пары, полустушиши и двустушиши Иисуса напоминают по форме ветхозаветные притчи, псалмы и пророческие речения.⁸

Согласно Евангелиям, Христос обильно цитировал библейские стихи и пел с учениками гимны. Его последними словами с креста были фразы из Псалтыри: «Боже мой, боже мой, вскую мя еси оставил» (Матфей, гл. 27, ст. 46); «Боже мой, боже мой, почто мя оставил еси» (Марк, гл. 15, ст. 34; ср.: «Боже мой, боже мой, вскую оставил мя еси» — Пс. 21, ст. 2); «Отче, в руке твои предаю дух мой» (Лука, гл. 23, ст. 46; ср.: «В руке твои предаю дух мой» — Пс. 30, ст. 6).

На агапах, ритуальных трапезах первых христиан, едва ли не каждый из присутствовавших по очереди, иногда импровизируя, исполнял свою песнь.⁹

Судя по сохранившимся в Новом завете и в богослужбной практике гимнам и отрывкам гимнов тех времен, главным их содержанием является хвала, прославление бога.¹⁰ Таковы звучащие поныне в церкви утреннее славословие («Слава в вышних богу...»), вечерний гимн («Свете тихий...») и малое славословие («Слава отцу и сыну и святому духу...»), — песни, глубокая древность которых вполне достоверна.¹¹

Со временем, когда в процессе борьбы церкви с разного рода ересями начала складываться христианская догматика, оказалось, что гимны могут служить не только (способом выражения духовной радости), но также хорошей формой кодификации учения и средством его распространения. Показательно в этом отношении, что знаменитый церковный писатель и гимнограф IV в. Ефрем Сирин, стараясь осилить общественное влияние сирийских гностиков, поэтов-композиторов Вардесана и его сына Гармония, на музыку их песнопений написал свои стихи, согласные с учением церкви.¹² И другие отцы христианского богословия сами писали и распространяли гимны. Например, тысячи гимнов традиция приписывает одному Григорию Богослову, Назианзину (IV в.). Организованные Иоанном Златоустом хоры православных оглашали пением улицы Константинополя на рубеже IV и V вв., соперничая с хорами ариан.

В ходе IV в. учительско-догматической гимн, «поэтическая гомилия», значительно потеснил в творчестве гимнографов чистое славословие, а в церковной службе занял отчасти место прозаической учительной риторики.¹³ Более строгим соответственно стало отношение к содержанию исполняемых в храме гимнов. «Дни раннего христианства проходили, и вместе с ними, — пишет исследователь, — исчезало выражение индивидуальных религиозных чувств, посредством которого верующие перво-

⁸ W. Whallon. Formula, Character and Context. Studies in Homeric, Old English, and Old Testament Poetry. Washington, 1969, p. 193, 206—208.

⁹ М. Скабалланович. Толковый Типикон. Объяснительное изложение Типикона с историческим введением. Киев, 1910, стр. 78—79; Н. Успенский. Православная вечерня (историко-литурический очерк). — Богословские труды. Сборник первый. М., 1959, стр. 8.

¹⁰ E. Wellesz. A History of Byzantine Music and Hymnography. 2 ed., Oxford, 1961, p. 40.

¹¹ См.: Исторический обзор богослужбных книг греко-русской церкви. Киев, 1857, стр. 63.

¹² Свидетельство «Церковной истории» Созомена (III, 16). См.: Т. В. Reeves. The Hymn..., p. 63; E. Wellesz. A History..., p. 149.

¹³ E. Wellesz. A History..., p. 204.